Отец отпустил меня, и мгновение прошло. Мне казалось, что он говорит мне что-то вроде последнего прощания, смирившись со своей участью, но я также принял личное решение, и теперь мне нужно было кое-что сделать. Нам больше не о чем было беспокоиться. Со слабой улыбкой он взъерошил мне волосы.

- Увидимся на занятии позже, Кейди.

Я кивнул, не решаясь заговорить. Все еще наблюдая за собой издалека, я легко пришел к выводу, что, вероятно, это было к лучшему, что я не задерживался. Меня переполняли эмоции, и если я задержусь еще на мгновение, это может спровоцировать нервный срыв и оставить меня безутешным на несколько следующих часов.

- Еще одно, Кейди, - сказал отец, поворачиваясь ко мне, когда я открыл дверь. - Будет лучше, если ты будешь осторожен с этой сферой. Ты можешь спрятать ее где угодно, пока арканная связь будет установлена. Пока она должна оставаться относительно близко, но когда ты разовьешь более тонкий контроль, расстояние, на котором она сможет находиться, увеличится.

- Сломается ли она, если я выйду за пределы связи с ней?

- Может. Но ты узнаешь об этом задолго до того, как она достигнет этой точки. Если это когда-нибудь произойдет, просто снова окажитесь в пределах ее досягаемости, и связь должна восстановиться.

Я кивнул и расстегнул молнию на сумке. Все, что потребовалось, - это простое сгибание воли, и сфера уютно устроилась в ней. Мой отец улыбнулся, и на его лице появилось слабое выражение гордости, когда я спрятал сферу. Мое сердце сжалось. Я поспешно повернулся и, сделав неопределенный прощальный жест, зашагал прочь.

Было странно все еще думать о том, чтобы пойти на занятия после того, что произошло, но для меня было важно не отставать от учебы. Все, что давало мне более твердое понимание об арканофании, было полезно. Но у меня была более насущная забота - не присоединиться ли мне к остальным за обедом?

Я остановился в нерешительности. Это было довольно новое чувство, так как я не был тем, у кого обычно были проблемы с такими тривиальными выборами. Мне пришло в голову, что это, вероятно, был момент, когда Пророческие Цепи могли бы подтолкнуть меня к одному варианту, и в их отсутствие мне было предоставлено пространство, чтобы действительно рассмотреть вопрос, если бы я захотел это сделать.

Я не был готов говорить с остальными о том, что только что произошло. Я даже не был уверен, стоит ли мне их посвящать, и если да, то как много я должен им рассказать. Эта часть плана все еще была лишь смутным наброском. А что касается Эмброуза, я не был уверен, что было бы разумно пытаться заставить его рассказать мне все о Пророчестве, учитывая то, что мой отец только что рассказал мне о природе Пророческих Цепей. У меня была защита, но это было не то, устойчивость чего я хотел бы проверить прямо сейчас.

Клубок бесстрастия соскользнул, и я внезапно осознал, что эта новообретенная свобода от Цепей Главного Пророчества означает, что каждое решение теперь имеет большой вес. У меня было то, чего не было ни у кого другого, и с этим я мог делать вещи, которые никто другой не мог бы совершить. Что мне сделать? Эта мысль угрожала задушить меня - это была такая большая ответственность.

Но... Мне ведь не нужно было действовать сейчас, не так ли? Мой отец и остальная семья не были в непосредственной опасности. На ум пришел образ свиней, откармливаемых на убой, и хотя эта конкретная метафора была довольно ужасной, она означала, что у меня еще есть немного времени. Времени просто дышать... а потом планировать, вместо того чтобы идти вперед. Я должен был учиться на ошибках моего отца и строить на его фундаменте, а не опрометчиво бросаться вперед. А для чего нужна свобода, если ею нельзя пользоваться? Может быть, я просто попробую насладиться одним обычным днем.

Да. Это имело смысл. Достаточно здравого смысла, чтобы облегчить тяжесть, поселившуюся в моей груди. Я повернулся к столовой и направился туда.

***

Как оказалось, мне не удалось насладиться одним обычным днем. У меня их было гораздо больше. И не успел я опомниться, как прошло уже больше недели.

У нас было еще три групповых сеансов Двойного Тау, где мне было легко держать сферу достаточно близко во время наших практик, даже несмотря на то, что она была спрятана в моей сумке. Длина связи выросла до десяти метров. Я обнаружил, что близость к ее пределу вызывала ощущение физического напряжения, что было неприятно, и я не осмеливался бросать сферу достаточно далеко, чтобы связь порвалась.

Сфера, казалось, имела счастливый побочный эффект, делая меня невосприимчивым к очарованию. Я подозревал, что это никак не было связано с Пророческими Цепями, а скорее всего это происходило из-за усиления "формы" моей аурной-окружающей-вспышки. Кеван был недоволен, когда я отказался объяснить, как я защищаю себя, и я также подумал, что было бы благоразумно не делиться даже моей собственной взломанной последовательностью, которая работала против Ривза, потому что я не мог безопасно подтвердить сам, что аурная-окружающая-вспышка была тем, что работало против очарования. Казалось неразумным отдавать что-то, не зная его истинной ценности. В качестве компромисса я отбросил подсказки о необходимости найти способ обнаружить и поддерживать состояние равновесия внутри себя.

В то время как другие защищали себя и пытались выяснить, как более полно оградить себя от очарования, я все больше и больше практиковался в том, чтобы на самом деле наложить его на кого-то. Вспоминая два случая, когда друг-в-аркане помогал мне очаровывать людей, я обнаружил, что даже без призыва к нему я становился все лучше и лучше в плетении прочных и длительных очарований и даже влиял на множество людей на все больших расстояниях, не

снижая силу. На нашем последнем сеансе мне было поручено очаровать всех, чтобы они могли сосредоточиться на защите от него, так как им было более важно научиться блокировать Ривза.

Эмброуз не забыл моего ужасного заявления о том, что ему давно пора поговорить со мной, и к его чести, хотя он и не был доволен моим изменившимся поведением, он действительно выделил для этого время и не пытался избегать меня. Мы дважды встречались с глазу на глаз, но я еще не успел как следует все обдумать, поэтому решил не касаться темы содержания Пророчества. Эмброуз насторожился по поводу этой перемены в тактике, но не стал настаивать.

Вместо этого мы оттачивали свои арканофанические навыки вдали от остальных. Наши обычные занятия по Тауматургии наконец-то перешли от безобидных магических болтов к тем, которые могли нанести реальный урон. Опираясь на концепции, полученные из Продвинутых Глифов, мы познакомились с новой серией последовательностей, которые позволили нам наполнить эти болты материальными эффектами. Вместо того, чтобы просто оказывать мягкое, легкое давление, наши болты теперь били достаточно сильно, чтобы оставить синяки даже с самым маленьким вложением аурной арканы, и, в скором времени, мы должны перейти к другим, более опасным, итерациям. Поэтому, когда мы с Эмброузом встретились, мы тщательно экспериментировали с экранированием, изучая, как адаптировать практические барьеры арканы к этим новым, более смертоносным болтам, поскольку уроки еще не охватывали новые методы экранирования.

Все это время я наблюдал за остальными. Теперь, под защитой сферы, было совершенно ясно, что Пророческие Цепи ранее манипулировали мной, заставляя быстро завязывать с ними дружбу. Теперь, когда я был вне их прямого влияния, я мог видеть, как формируются эти невероятные связи. Сразу стало ясно, что никто из нас не стал бы мириться с Кеваном (за исключением, может быть, его собственного брата), если бы не вмешательство Пророчества. Он был грубым, эгоистичным и высокомерным. И хотя мне нравилось обсуждать теорию с Джерриком, после первого случая с очарованием у него развился мрачный характер, из-за которого людям было немного трудно чувствовать себя совершенно непринужденно рядом с ним. Девон, несомненно, был самым симпатичным человеком благодаря своей кипучей натуре, но его резкие провалы в мрачное настроение, когда он чувствовал себя неполноценным, могли быть довольно утомительными. Даже мне через несколько дней это надоело. И это было именно то, на что набрасывались такие люди, как близнецы, и продолжали терзать его на куски.

Освобожденный от оков Пророчества, я мог видеть сдерживающий эффект, который оно оказывало на худшие импульсы группы, и усиливающий эффект, который оно оказывало на малейшее положительное взаимодействие. Но это также означало, что я не наслаждался его смягчающим влиянием. Я поймал себя на том, что скриплю зубами от разочарования, собирая волю в кулак, чтобы не замечать проступков и мириться с их чувствительностью. Я цеплялся за утешение, что заводить друзей, в конце концов, не так-то просто - уж точно не то, что происходит всего за несколько дней, - и что, по крайней мере, теперь я могу намеренно выбирать, с кем проводить время.

После заключительного урока недели я решил снова попытаться добраться до озера. Один из Продвинутых Глифов, которые мы изучили, чтобы наделить наши магические болты

некоторыми материальными эффектами, дал мне идею глифтрансмутации. Она включала сложные идеи о том, что одна вещь может быть преобразована в другую, и нас строго предупредили, чтобы мы не экспериментировали с этим, не посоветовавшись с одним из наставников (основной принцип безопасности, но тот, который был подчеркнут особенно, когда мы рассматривали глифы — Селвин была еще страшнее, чем обычно в тот момент). Я не планировал ничего с ним делать, но я понял, что это немного похоже на глиф Пророческих Цепей, в некотором роде. Размышления о глифе Пророческих Цепей позволили мне думать о них более ясно и даже ощущать их. Каким-то образом глифтрансмутации, казалось, позволили мне более конкретно манипулировать идеей этой видимости в моей голове. И что-то в этих представлениях напомнило мне о том, как за мной закрылись потайные врата к озеру. Я подозревал, что трансмутация имеет к этому какое-то отношение, и хотел взглянуть поближе, чтобы увидеть, могу ли я теперь сделать что-то новое.

Итак, несмотря на угасающий свет, я обнаружил, что следую за шаром света, который я вызвал, приближаясь к неясным очертаниям стен. Я застегнул молнию на свитере и засунул руки в карманы, так как было особенно холодно.

Когда я приблизился к тому месту, где должны были быть ворота, я с удивлением увидел стоящую рядом фигуру. В сгущающихся сумерках было трудно разобрать, кто это, так как человек находился вне мягкого свечения огней, находившихся вдоль тропинки. Я заколебался, но решил, что это будет пустой тратой времени, если я поверну назад только потому, что не хочу разговаривать с кем-то, похожим на другого студента, поэтому я продолжил свой устойчивый подход, пытаясь казаться беззаботным, хотя я немного нервничал.

Это ощущение нервозности переросло в трепет, когда я подошел достаточно близко, чтобы разглядеть больше. Тень, отбрасываемая стеной, затрудняла обзор, но теперь я мог различить общую форму и позу. Это был Демиург, одетый в темно-синюю футболку, черный свитер с капюшоном и черные брюки. Он слегка наклонил голову, и я мельком увидел его платиновые светлые волосы под капюшоном. Тень мешала мне ясно видеть его. И хотя его поза была расслабленной и небрежной, когда он прислонился одной ногой к стене, я почувствовал, как дрожь пробежала по моей спине.

Мне хотелось развернуться и уйти, но теперь, когда я был меньше чем в двадцати метрах, это казалось довольно грубым. Я сглотнул и продолжил свой путь.

- Кейден, я так рад тебя видеть, - сказал он с легкой улыбкой, как только я приблизился на десять шагов.

На этом я остановился.

- Здравствуйте, Демиург Колдуэлл, сэр, - сказал я, явно чувствуя, что у меня пересохло в горле.

- Мы ведь не собираемся снова летать вокруг озера? - спросил он легким тоном. - Для этого уже поздновато.

- Н-нет. - К этому моменту уже не было ничего удивительного в том, что он знал, хотя я никому не рассказывала об этом, кроме отца. Мне показалось невежливым спрашивать его, что он здесь делает, поэтому я огляделся, ища, что бы еще сказать... - Я хотел поблагодарить вас. За то, что помогли мне в тот день.

- С удовольствием. Целители уже проделали тяжелую работу. Я просто подтолкнул ее вперед, - ответил он, его улыбка стала немного шире.

Что я хочу делать со своей свободой? Эта мысль вернулась ко мне. Здесь передо мной стоял один из самых могущественных арканистов, если не самый могущественный арканист в Империи. Я был свободен от Цепей Главного Пророчества. Я мог спросить все, что хотел. Может быть, он и не имеет права отвечать, но видеть, что он может или не может ответить, все равно было бы полезным.

- Могу я спросить вас кое о чем, сэр?

- Да. Теперь ты можешь спросить меня кое о чем.

Я моргнул, немного сбитый с толку, но собрался с мыслями и попыталась взять себя в руки.

- Что вы сделали со мной в тот день в лазарете?

Он снисходительно кивнул.

- Давай посмотрим, достаточно ли ты понимаешь, чтобы понять объяснение. У тебя был перерасход. Полный. Ты уже знаешь, что это значит? И я не имею в виду непрофессионалов.

- В моем теле не было достаточно аурной арканы, чтобы не пропускать окружающую, - ответил я.

- Хм,- Он казался немного разочарованным. - Ну, в таком случае, ты можешь сказать, что я освободил тебя от всей арканы, а затем убедился, что в твоем теле достаточно аурной арканы, чтобы симптомы перерасхода не были фатальными.

- Не могли бы вы мне точно сказать, что такое правильное понимание перерасхода?

- Я могу! - Он ухмыльнулся, но не стал продолжать. Молчание затянулось.

- ...Сделаете? - рискнул я, удивив себя, позволив нотке раздражения вкрасться в мой голос.

- Я сделаю тебе кое-что получше, юный Дандейл. Пойдем со мной, и я дам тебе возможность

самому научиться этому. - Он выпрямился и слегка потянулся.

- Так вот почему вы здесь, сэр? Вы ждали меня?

Он пристально посмотрел на меня, и в его осанке появилась внезапная серьезность, заставившая меня невольно отступить. Вместо того чтобы ответить немедленно, его взгляд скользнул по мне и, казалось, на долю секунды задержался на моей сумке. Потом он посмотрел мне прямо в глаза и вдруг улыбнулся.

- Нет. Я не ждал тебя специально. Но вот ты здесь, и я хочу тебе кое-что показать. Сейчас самое подходящее время.

Мог ли я отказаться? Вопрос показался мне глупым. Конечно, мог. Я был буквально самым свободным человеком в мире.

И все же я начинал понимать, что, хотя я был свободен от прямого контроля Главного Пророчества, я все еще был связан своими собственными страхами, неуверенностью, любопытством, общим желанием придерживаться социальных условностей и многими другими мирскими влияниями. Скажет ли молодой арканист "нет", когда один из самых знаменитых Демиургов в истории Империи пригласит его узнать что-нибудь о фундаментальных принципах арканофании?

- ... Показывайте дорогу, сэр.

http://tl.rulate.ru/book/53486/1357531